

Отзыв

о диссертации Ю.М. Муратова «Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ в русском языке», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Представленная к защите диссертация Ю.М. Муратова «Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ в русском языке» находится в русле исследований, посвященных проблемам реконструкции русской языковой картины мира, в частности, описанию структурно-словообразовательной и номинационной типологии лексики со значением ‘присвоение чужого’, выявлению системности как в организации ее мотивационных моделей (принципов их построения), так и в механизмах их семантических трансформаций в синхронии и диахронии.

Уже сама постановка проблемы и цель диссертационного исследования, а также пути и методы их решения говорят о его актуальности, особенно сегодня, когда современная лингвистика обогатилась новой, антропоцентрической парадигмой научных исследований. В этом смысле диссертационная работа Ю.М. Муратова является еще одной ступенью в научном осмыслении принципов организации русской языковой картины мира.

Эта работа относится к числу тех немногочисленных исследований, в которых эмпирический материал уравнивается серьезной теоретической разработкой проблем исторической семантики, требующих своего осмысления. Насущная необходимость разработки этих проблем неоднократно обосновывалась в работах научного руководителя диссертанта – Ж.Ж. Варбот, которая считает, что «определение константных представлений русского этноса о мире по их языковым отражениям и тем более особенностям национального характера возможно только в итоге массового диахронического исследования языкового материала средствами исторической лексикологии и этимологии» (Варбот Ж.Ж. «Диахронический аспект проблемы языковой картины мира» 2002: 90). Реализация этого направления придала диссертационному исследованию Ю.М. Муратова новизну и актуальность, а полученным результатам – многоаспектную значимость.

Следует особо отметить, что проведение подобных исследований связано с трудностями объективного характера, и, прежде всего с необъятностью материала и сложностью самой лексической системы. Общепризнанная сложность системной организации лексики, сложность выявления системообразующих признаков определяют, несомненно, **актуальность** и перспективность исследований в рамках лексико-семантических полей. В диссертации «**впервые** дается реконструкция истории лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ в русском языке, его заполнение и трансформация на различных исторических этапах» (с. 7). Существенным достоинством рецензируемой работы является опора на гнездовой принцип исследования, который сочетается с лексико-семантическим анализом.

Ценность диссертационного исследования Ю.М. Муратова определяется богатейшим материалом, впервые вводимым в научный оборот, иллюстрирующим различные формы бытования описываемой лексики (в работе анализируются и классифицируются более 1000 лексических единиц). Этот материал позволил автору не только выявить корпус базовых мотивационных моделей, но и во многом обеспечил достоверность полученных выводов.

Новизна диссертационной работы Ю.М. Муратова заключается не только в объеме и характере материала, подвергнутого анализу, но и в принципиальной ориентации на генетическую характеристику морфосемантического поля «присвоения чужого», которое описывается и раскрывается автором с учетом трех параметров, а именно: **моделей** номинации, набора **этимологических гнезд** – источников лексики поля (и места этой лексики в каждом поле) и **диахронической характеристики** моделей (времени их формирования, степени устойчивости в истории языка). Новизна рецензируемой диссертации определяется также объемом и характеристиками анализируемого материала, полученного методом сплошной выборки из словарей современного литературного языка, исторических слова-

рей, огромного количества диалектных словарей. Следует особо подчеркнуть, что новизна диссертационного исследования Ю.М. Муратова заключается не только в объеме и характере материала, подвергнутого анализу, но и в его синхронно-диахронном описании и хронологическом распределении по периодам, начиная с праславянского.

Основная теоретическая задача диссертационного исследования Ю.М. Муратова сводилась к выявлению лексического состава поля 'присвоение чужого', определению его генетических характеристик (набора этимологических гнезд), описанию мотивационных моделей, организующих лексику поля с учетом их относительной хронологии, и реконструкции фрагмента русской языковой картины мира в его истории (с. 7). Уже из этих теоретических посылов видно, что перед автором стояла довольно трудная задача, которая к тому же осложнялась критическим осмыслением старых этимологий и поиском новых к «темным» словам данного поля. Для решения этой задачи автору пришлось вооружиться методикой не только лингвистического анализа, но и этнолингвистического (см. пассаж о ритуальной краже на с. 73, 99) и даже правоведческого (о чем свидетельствуют обширные экскурсы в историю права при разграничении понятий «разбой» и «грабеж» (с. 37-38), «воровство» и «мошенничество» (с. 38), «присвоение» (с. 39-40) и др.

Решение всех этих задач свидетельствуют об **актуальности** диссертационного исследования Ю.М. Муратова, направленного на раскрытие глубинных смыслов языка русской культуры.

Проводя в 1 главе тщательный генетический анализ словообразовательных моделей, представленных в этимологических гнездах данного поля, с учетом частеречной принадлежности входящих в него лексем, автор приходит к выводу, что основу поля образуют этимологические гнезда исконно славянского происхождения (110 этимологических гнезд) с первичной глагольной семантикой. Преобладание глагольных образований и *nomina actionis* способствует формированию единства поля. «Слабым» элементом системы оказываются *nomina agentis*, которые на протяжении истории русского языка постепенно утрачиваются и в современном языке сохраняются лишь *вор*, *грабитель*, *похититель* (с.207-209). По мысли автора, эта «безличность» поля связана, скорее всего, с тем, что «для кражи актуальна незаметность, быстрота ее совершения» (с.272-273).

В работе предпринята попытка воссоздания фрагмента русской языковой картины мира через описание «мотивационных моделей, раскрывающих специфически русские механизмы языковой концептуализации» (с. 211). Поэтому во второй и третьей главах диссертации дается исчерпывающий анализ этих мотивационных моделей с учетом динамики тех смысловых изменений, которые происходили на разных хронологических срезах русского языка. В описании семантики каждого гнезда автор обращает внимание на воспроизведение значений в лексемах различной структуры и, что особенно существенно, с различной внутренней формой, что доказывает органичность соответствующих значений для определенного гнезда. Это позволило автору выявить закономерности семантического развития данной группы лексики и прийти к выводу, что «семантика присвоения начинает активно развиваться лишь с праславянского периода, после окончательного формирования родоплеменного общества и даже на стадии его разложения. Наиболее объемным (по количеству образованных лексем) является период древнерусского языка» (с. 268).

Проводя последовательно свой анализ (начиная с реконструкции праславянских источников, через фиксацию в словарях древнерусского языка, в старорусском языке, в словаре XVIII века, до фиксации в словарях современного языка), Ю.М. Муратов прослеживает появление лексем, представляющих ту или иную мотивационную модель, сохранение этих лексем в языке с неизменной семантикой или с ее изменением, пополнение мотивационной модели новыми лексемами в разные периоды истории языка.

Автор убедительно доказал, что именно внутренняя форма слова, а не его глубинная семантическая структура позволяет увидеть мир глазами познающего и оценивающего субъекта. И в диссертации имеется немало интересных наблюдений, которые автор сумел установить благодаря вниманию к мотивационным признакам слова. Эти наблюдения «рассы-

паны» по всему тексту диссертации (см., например, пассаж об истории лексемы *tatʹ* с. 92-95 или истории лексемы *dorga* с. 103, причем иногда встречаются самые неожиданные лексемы, см., например, пассаж о лексеме *bogʹ* на с. 139-140, *gordʹ* с. 149, *medvėdʹ* с. 150, *lėš* с. 116 и т.д.).

Скрупулезный ономаσιологический и динамический анализ лежит и в основе выводов о времени появления мотивационных моделей, их актуальности/ неактуальности в дальнейшей истории языка (3 глава диссертации). Такой скрупулезный анализ истории различных этимологических гнезд позволил автору сделать интересные выводы о хронологическом распределении мотивационных моделей. Выявленная автором хронология актуальности семантических моделей, в сочетании с изменчивостью их продуктивности, позволила ему сделать вывод о том, в языковом сознании носителей русского языка произошли изменения, связанные с переосмыслением явления кражи, переносом акцента с тайности данного явления на его оценочную характеристику, связанную с аморальностью и насильственностью самого действия (с.267-270, 275)

Плодотворность избранной автором методики анализа несомненна, ибо она позволила избежать атомарного концептуально и фактологически разрозненного описания языкового материала. Последовательное использование этой методики дало автору возможность выявить определенный набор моделей, которые лежат в основе данного семантического поля, и доказать, что системность организации его лексикона достигается не только внутриязыковыми связями, но и внеязыковыми, обусловленными общностью культурной референции, благодаря которой в смысловой структуре слова появляются культурные коннотации, устойчиво повторяющиеся в значении слов, входящих в это поле. Такая методика позволяет выявить механизмы проникновения «языка культуры» в семантическую структуру лексических единиц естественного языка. В этом смысле она созвучна основным тенденциям современной лингвистики.

Богатейший материал диссертации, позволил автору не только выявить корпус базовых мотивационных моделей, но и представить целостный фрагмент русской языковой картины мира, доказав тем самым, что этнокультурная семантика, существующая в языке по большей части в латентном состоянии, обнаруживается лишь **при системном подходе** к языковым фактам. Диссертация Ю.М. Муратова еще раз продемонстрировала, что системный подход к ономастическим фактам не утратил своей объяснительной силы.

Проведенное автором исследование позволило ему прийти к выводам, полностью соответствующим цели диссертационной работы, и доказать, что «лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого’ на протяжении своей долгой истории меняло свою структуру, на которую оказывало влияние представление русского этноса о краже» (с. 269).

Реконструкция семантических моделей, проведенная автором, весьма убедительна, что свидетельствует о зрелости его научных воззрений. В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть важность выявления автором лексического состава этимологических гнезд: даже при весьма значительной временной /словообразовательной удаленности некоторых лексем от исходных корней гнезда, самая их фиксация представляет собою существенный ориентир для будущих этимологических исследований.

Весьма ценным и в научном, и в методологическом отношении представляются и опыт автора в этимологизации «темных» лексем, содержащийся в 1 главе.

Автор предлагает в ней этимологические толкования для слов, не этимологизированных ранее или получивших иное объяснение. Предложенные Ю.М. Муратовым решения представляются аргументированными и четко обоснованными, поскольку в них выявляются те же мотивационные модели, которые были выделены в этимологически прозрачной лексике.

Во всех этимологических этюдах автор обнаруживает знание литературы вопроса и прекрасное владение методикой этимологического анализа, что проявляется, в частности, в самом включении в то или иное гнездо этимологически темных или спорных лексем.

Оценивая предложенные автором этимологии, следует признать их основательность, убедительность и существенность как показателя практического использования результатов мотивационного анализа.

Несмотря на сложность реконструкции хронологической картины мотивационных моделей, осуществленный автором анализ и выводы представляются вполне аргументированными.

Самостоятельную ценность имеет приложение, содержащее алфавитный указатель всех имен, которые подвергались в диссертации анализу.

Общие и частные выводы диссертанта, подтверждающие его концепцию, а также сама интерпретация материала возражений не вызывают. В диссертации предложен системный опыт анализа этимологических гнезд в синхронно-диахронном аспекте. Диссертация Ю.М. Муратова продемонстрировало перспективность исследований лексической системы русского языка на основе анализа этимологических гнезд в их соотнесенности с лексико-семантическими полями. Использование автором многоаспектной аргументации свидетельствует о его умении корректно реализовывать синхронно-диахронный метод анализа сложного и нередко противоречивого материала. Подобные результаты характеризуют автора диссертации как вполне сложившегося исследователя, способного критически осмысливать многие предложенные ранее этимологии (см., например, пассаж на с. 107, посвященный этимологии глагола *таскать*).

Предложенный автором подход к исследованию материала, а главное – полученные результаты характеризуются несомненной **научной новизной** и имеют концептуальный характер. И хотя не со всеми выводами диссертанта можно полностью согласиться, сам по себе факт обращения к этому материалу свидетельствует о научной добросовестности соискателя, исследующего языковые сущности во всех их сложных и противоречивых проявлениях.

Не сомневаясь в серьезности и фундаментальности диссертационного исследования Ю.М. Муратова, позволим себе высказать несколько соображений, касающихся некоторых частных вопросов.

1. Думается, что в диссертационном исследовании, имеющем своей целью реконструкцию фрагмента языковой картины мира, следовало бы шире использовать методы компонентного анализа, лексической и грамматической парадигматики и синтагматики, которые позволят не только определить культурно-ориентированные смыслы, но и выявить особенности структурной организации и этнокультурного своеобразия фрагмента русской языковой картины мира. Не могу в связи с этим не привести пример из рассказа Тэффи, в котором юмористически описывается синонимический ряд глаголов *украсть* ~ *стибрить* ~ *слямзнуть* ~ *стянуть* ~ *спереть* ~ *уволочь* ~ *зажулить* ~ *зажилить*. Обыгрывая разную синтагматику этих глаголов, автор вскрывает различия в их семантической структуре и стилистической маркированности (ср., например, следующий пассаж из этого рассказа: «*стибрить* можно что-нибудь очень мелкое, не очень ценное, как бы с краю лежащее...», «*спереть* относится к вещи более крупной, прут тяжело и с трудом...», «не можете же вы сказать, что кто-то *стибрил* вашу дачу или *уволок* луг...» и т.д.)

2. Хотелось бы отметить, что поскольку тема диссертационного исследования Ю.М. Муратова является чрезвычайно сложной, многоаспектной, требующей своей дальнейшей разработки, то в работе следовало бы уделить больше внимания **причинам** выбора тех или иных мотивационных моделей, так как диалектная лексика свидетельствует о сложных смысловых связях между лексико-семантическими вариантами одного слова

3. Думается, что диссертационное исследование автора только бы выиграло, если бы в работе были использованы материалы «Общеславянского лингвистического атласа», в частности т. 8 «Профессии и общественная жизнь», где имеется карта к. 55 'человек, который крадет', на которой представлен большой репертуар лексем с этим значением.

4. Из частных замечаний отметим следующие: для читателя остается неясным, почему *kud-ь* является производным от *čud-* (с. 140), почему глаголы *чужить* и *замытарить* рассматриваются автором в заимствованиях (с. 170-171), как соотносится семантика глагола *страдати*, до сих пор сохраняющего в русских диалектах значение 'трудиться', 'работать во время страды', с семантическим полем 'присвоение чужого'?

5. Из мелких композиционных неувязок можно указать на несоблюдение автором обычной практики равномерного распределения объема исследования по главам, ибо первая глава диссертации существенно превосходит вторую и третью главы.

Заметим также, что, определяя цель своего диссертационного исследования, автор выделяет несколько целей (с. 7). Хотя, по сути дела, речь идет о решении разных задач для достижения **одной** цели – представления концепта кражи в языковой картине русского этноса.

В работе и в автореферате имеются досадные ошибки и опечатки в тексте (см. с. 7, 133, 172, 179, 208, 213, 228, 270).

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что высказанные нами замечания носят в основном характер пожеланий, касающихся самого подхода к исследуемому материалу, и какого-либо влияния на исполнение работы и решение поставленных в ней задач не оказывают.

Работа еще раз доказала, что вскрыть сущностный характер того или иного языкового явления возможно только лишь используя системный подход к изучению данного явления, так как любое слово находится в системных отношениях с другими словами, и изменения в системе порождают изменения в семантических или формальных признаках слова.

Диссертация Ю.М. Муратова – это, несомненно, серьезное, по-настоящему творческое исследование, которое отличает актуальность, богатство материала и глубина его анализа, оригинальность научных построений. Автор обнаружил глубокое знание литературы вопроса (библиография насчитывает свыше 200 единиц) и способность к ее критическому осмыслению.

Результаты этого диссертационного исследования могут быть использованы и в научной практике монографических описаний лексической системы русского языка, и в преподавании курса лексикологии и истории русского языка студентам-филологам.

Работа Ю.М. Муратова отвечает паспорту специальности (10.02. 01, п. 2 История русского языка (исследование в области русской языковой картины мира; культурно-значимые концепты) и требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ, № 842, от 24.09.2013 г. по специальности 10.02.01 – «русский язык»; а ее автор достоин присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Автореферат диссертации и опубликованные по теме диссертации статьи отражают ее содержание.

Доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН
профессор

Т.И. Вендина

25 февраля 2015 г.

Подпись Т.И. Вендиной удостоверяю

ВЕРНО:
Заведующая кадрами
Людмила Куренная
"25" февраля 2015 г.

Сведения об официальном оппоненте:

ФИО: Татьяна Ивановна Вендина

Москва 107140 Перекопская ул. д.30 корп.1 кв. 42

тел. 8-910-433-73-98

vendit@rambler.ru

Ученая степень: доктор филологических наук

Должность и место работы: ведущий научный сотрудник и заведующая Центром ареальной лингвистики Института славяноведения РАН

Адрес места работы:

119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, зона «В»

Телефон: +7 (495) 938-5458

marusiaya@gmail.com

Публикации:

Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М.: Индрик, 1998. 238 с.

Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002: Индрик. 336 с.

Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М.: ИнСлав РАН, 2007. 336 с.

Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 2008. 391 с.

Славянский языковой мир: языковая общность и многообразие // Славянский альманах 2007. М., 2008.

Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2010.

Русская традиционная духовная культура: наследие в слове // Метафизика. Научный журнал. М.: РУДН, 2012, № 6. С. 49–64.

О культурной мотивации языка русской традиционной культуры // Юбилейный сборник в честь 80-летия Л. А. Руделева «В лабиринте сознания, времени и языка. Тамбов, 2013. С. 88–105.

О некоторых новых принципах лингвогеографического изучения лексики: «Лексический атлас русских народных говоров» // «Славянский мир в третьем тысячелетии». М., 2013. С. 76–98.

Типология архаичных ареалов Славии // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 479–500.

Современное состояние славянских диалектов в свете новых данных общеславянского лингвистического атласа // Славянский альманах. М., 2013. С. 391–410.